

Три года, тысяча девяносто пять дней. Каждое утро он видел свою ораву чудаковатых служанок, а каждый вечер — Шангуань Цзюэ, который обожал флиртовать... то есть подтрунивать... в общем, донимать его. В результате такого воспитания со стороны кучки чудачек и одного извращенца Шангуань Цинъюнь эволюционировал из человека с хоть какими-то задатками эмоций в истинно каменную статую. Теперь, даже если бы главы трех великих сект Мира Истинного Самосовершенствования признались, что они женщины, и исполнили перед ним стриптиз, у него бы и мускул на лице не дрогнул. Процесс превращения, естественно, был полным боли, и Шангуань Цинъюнь не желал о нем даже вспоминать.

В свои пятнадцать лет Шангуань Цинъюнь обладал лицом прекрасным, словно цветок персика, густыми черными, как туча, волосами, алыми губами и белоснежными зубами, а также парой вкрадчивых персиковых глаз. По собственному мнению Шангуань Цинъюня, с возрастом он становился всё более женственным и лишался всякого мужества. Поэтому он сам был вполне рад превратиться в эмоциональный сухарь, хотя это и лишало его множества любовных походов.

Однако пятнадцать лет исполнилось, новая локация вот-вот откроется! Чудесные возможности уже ждут, когда он их активирует, а секретные техники — когда он их подберет. От этой мысли у него внутри всё просто клокотало от волнения, пусть снаружи лицо и оставалось абсолютно безучастным. И вовсе он не думал ни о каких любовных похождениях!

— Молодой господин, глава клана просит вас прийти к пруду Очищения Духа на задней горе, — вошла Бинян и с уважением поклонилась.

— Угу, — кивнул Шангуань Цинъюнь.

В душе он ликова! его Неугасимый Меч вот-вот вернется к своему хозяину! Тогда он сможет с мечом в руках смотреть свысока на весь Мир Истинного Самосовершенствования, ха-ха-ха!

Однако, как бы сильно ни бушевали эмоции внутри, внешне Шангуань Цинъюнь сохранял полное спокойствие. Достав из Пространства Горчичного Зерна Белую Нефритовую Ладью, он взошел на нее и отправился к задней горе.

Задняя гора клана Шангуань была полна насыщенной духовной энергии, а виды здесь казались сошедшими с картин. В воздухе грациозно парили белые журавли, чья бессмертная аура тянула на все сто баллов. Но Шангуань Цинъюнь совершенно не хотел любоваться этой красотой: все его мысли занимал Неугасимый Меч. Это было одно из главнейших оружий для завоевания Мира Истинного Самосовершенствования, незаменимая вещь для прорыва сквозь пустоту.

На задней горе, возле пруда Очищения Духа, Шангуань Цинъюнь поглядел на юношу, выглядевшего с каждым днем все более статным, мягко улыбнулся и тихо позвал:

— Цинэр.

— Отец, — почтительно отозвался Шангуань Цинъюнь.

Заметив эту сдержанную почтительность, Шангуань Цинлянь едва заметно нахмурился. Неужели, повзрослев, дети обязательно отдаляются от родителей? Ему это очень не нравилось. Тем не менее на его лице снова расцвела улыбка, подобная весеннему ветерку, ласкающему цветущий персик. Достав из пруда Очищения Духа Неугасимый Меч, он протянул его Шангуань Цинъюню со словами:

— За три года омовения вся злая аура покидала этот меч, очистив его от прежней скверны.

Взглянув на меч, Шангуань Цинъюнь едва не лишился дара речи. Клинок был прозрачно-кристальным и светился нежным голубым сиянием — словом, выглядел донельзя девчоночьим. Шангуань Цинъюнь с абсолютно деревянным лицом принял клинок.

— У этого меча нет имени. Как насчет того, чтобы назвать его Фугуан? — сказав это, Шангуань Цинлянь сложил магический жест и направил струйку духовной энергии прямо в Неугасимый Меч. С этого момента Неугасимый Меч переименовали в Меч Фугуан!

«Фугуан? Тоже мне, останется только донага раздеться!» — подумал Шангуань Цинъюнь, с тем же безучастным лицом убирая Неугасимый Меч... о нет, Меч Фугуан в Пространство Горчичного Зерна.

Шангуань Цинлянь взял юношу за руку и сказал:

— Цинэр, с сегодняшнего дня ты становишься учеником Истинного Человека Ляньму. Будь осторожен во всем вдали от дома, но помни: тебе незачем угождать перед кем-либо. За твоей спиной стоит весь клан Шангуань.

— Да, отец, — ответил Шангуань Цинъюнь.

Слова отца отозвались теплой волной в его сердце. В прошлой жизни он был сиротой, не имевшим родных, но в этой жизни у него появился не только отец, но и весь род Шангуань.

После этого Шангуань Цинлянь завалил его кучей полезных вещей: эликсирами, духовными плодами и магическими артефактами — Пространство Горчичного Зерна едва не забилося до отказа. Как говорится, дитя в дорогу — у матери... тьфу, у отца сердце не на месте.

Ночью Шангуань Цзюэ привычным маршрутом проскользнул в комнату Шангуань Цинъюня.

— Завтра ты уже уезжаешь.

«Как же жаль расставаться...» — подумал он.

Конечно, последнюю фразу Шангуань Цзюэ не произнес вслух. Впрочем, скажи он это, Шангуань Цинъюнь всё равно бы не поверил. А ведь ему действительно не хотелось отпускать юношу: в конце концов, он уже давненько не испытывал такого веселья, как после знакомства с Шангуань Цинъюнем.

— Угу, — кивнул Шангуань Цинъюнь и закрыл книгу, которую держал в руках.

— У Истинного Человека Ляньму со мной свои счеты. Не боишься, что он выместит злобу на тебе? — с усмешкой спросил Шангуань Цзюэ.

— За моей спиной стоит весь клан Шангуань, — равнодушно отозвался Шангуань Цинъюнь.

— Истинный Человек Ляньму — мечник! Даже если бы за твоей спиной стояли все три великих ордена, он бы и глазом не моргнув рубанул тебя мечом, — высмеял Шангуань Цзюэ его наивность.

— Он мечник?! — удивился и обрадовался Шангуань Цинъюнь, и его голос прозвучал заметно громче обычного.

— А кто же еще? — ответил Шангуань Цзюэ.

Это же просто великолепно! В прошлой жизни Шангуань Цинъюнь сам был мечником. В этой же жизни он все время думал, что Истинный Человек Ляньму — заклинатель, и размышлял, как бы уговорить того разрешить ему стать мечником. Кто бы мог подумать, что тот сам окажется мечником! Теперь не придется даже придумывать предлоги, да еще и при возникновении трудностей на пути меча будет у кого спросить совета. Лучше и не придумаешь!

— Ты так рад? — спросил Шангуань Цзюэ.

«Еще бы не радоваться», — мысленно ответил Шангуань Цинъюнь.

— Хах, дурачок. Чтобы Истинный Человек Ляньму не зарубил тебя при первой же встрече, я, так и быть, помогу тебе, — с этими словами Шангуань Цзюэ коснулся указательным пальцем лба юноши. Из кончика его пальца вспыхнул алый свет, вырисовывая на коже узор красного лотоса.

— Готово, — Шангуань Цзюэ отступил на шаг, отошел в сторону и принялся уплетать сладости со стола.

Шангуань Цинъюнь спешно схватил зеркало и, взглянув на свое отражение, едва не взвыл от досады.

На лице юноши в зеркале застыло холодное выражение, но прямо посреди лба алел пышно распустившийся лотос. Это смотрелось как яркий всплеск страсти посреди кристальной чистоты — пленительно и неописуемо красиво. Конечно, если бы в зеркале отражался кто-то другой, он бы восхитился увиденным, но становиться краше любой женщины он совсем не желал.

— Твоих рук дело? — сквозь зубы процедил Шангуань Цинъюнь.

Не будь Шангуань Цзюэ культиватором на Стадии Пересечения Скорби, Цинъюнь без колебаний придушил бы его на месте.

— Этот узор лотоса гарантирует, что Истинный Человек Ляньму тебя не зарубит, — ухмыльнулся тот.

«Зато гарантирует, что он будет вставлять тебе палки в колеса», — мысленно добавил Шангуань Цзюэ.

— Вот как? Тогда мне следует хорошенько отблагодарить тебя! — с перекошенным от ярости лицом выкрикнул Шангуань Цинъюнь, выхватывая Меч Фугуан и бросаясь на Шангуань Цзюэ.

Это была очередная суматошная ночь. Впрочем, наверняка Шангуань Цинъюнь так и не смог победить Шангуань Цзюэ.

На следующий день Шангуань Цинъюнь вышел из своей комнаты с ледяным выражением лица. Гладкий лоб юноши теперь закрывала густая челка. Вплоть до момента, пока он не ступил на борт небесной ладьи, он не обронил ни единого слова. Служанки Шангуань Цинъюня испуганно перешептывались, совершенно не понимая, что стряслось.

— Где отец? — холодно спросил Шангуань Цинъюнь.

Бинян, преодолевая страх, ответила:

— Глава клана побоялся, что расставание выйдет слишком печальным, поэтому не пришел.

— Вот как? — безучастно проронил Шангуань Цинъюнь и отправился вглубь небесной ладьи.

Служанки жались по углам: сегодня молодой господин выглядел до смерти пугающим, так что они даже не осмелились вручить ему припасенные подарки, огорченно всхлипывая про себя.

Войдя в свою каюту, Шангуань Цинъюнь с размаху пнул стул и выругался:

— Ублюдок Шангуань Цзюэ!

Вспомнив о метке лотоса у себя на лбу, Шангуань Цинъюнь почувствовал досадный спазм в желудке. К счастью, Шангуань Цинлянь не пришел его провожать, иначе головной боли было бы не обернуться. Вот достигнет он стадии Вознесения — и обязательно отвесит Шангуань Цзюэ пару сочных ударов мечом!

<http://bllate.org/book/21145/2144200>